

Ника Мур

Ника Мур. Мажорная доярка из Москвы. Попаданка в 80-е

Ника Мур
Мажорная доярка
из Москвы
Попаданка в 80-е

Ника Мур

**Мажорная доярка из
Москвы. Попаданка в 80-е.**

«Литнет»

2026

Мур Н.

Мажорная доярка из Москвы. Попаданка в 80-е. / Н. Мур —
«Литнет», 2026

Я проснулась в 1980-м году в теле Машки — «непутевой» доярки из захудалого колхоза «Заря». Только вчера я закрывала сделки на миллионы, пила ледяной брют в Москва-Сити и считала, что мир лежит у моих ног. Но внезапно мир перовернулся. Вместо «Порше» — ржавый велосипед и резиновые сапоги на два размера больше. Вместо фитнеса — тридцать коров, которых нужно подоить до рассвета. А в придачу — трое младших братьев, которых хотят забрать в детдом, и репутация «гулящей девки», которую мне предстоит отмыть до блеска. Но самое страшное — это ОН. Председатель Алексей. Суровый фронтовик-офицер, который не верит ни единому моему слову и обещает стереть меня в порошок, если я не справлюсь. Я выживала в джунглях современного бизнеса, выживу и в советской деревне. Я научу их ценить дисциплину, доить коров по науке и... любить по-настоящему. Только вот мой враг из будущего тоже здесь. И он пришел за моей душой. В книге вас ждут: ✓ Дерзкая героиня: акула бизнеса против деревенских устоев. Она не плачет — она действует! ✓ Мужчина-ремень: суровый, надежный и очень подозрительный председатель. Искры будут лететь такие, что сгорит сеновал! (Путь от ненависти до любви) ✓ Атмосфера 80-х: дефицитные духи, запах скошенной травы, танцы под баян и тот самый вкус настоящего молока. ✓ Семейная драма: путь от одиночки-карьеристки до сердца большой семьи. ✓ Неожиданный поворот: враг из 2024 года, который хочет украсть шанс на счастье. ✓ Хэппи-энд: Обязательно! Душа исцелится, а любовь победит всё.

© Мур Н., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4(Алексей)	17
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9(Алексей)	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Глава 1

Моё имя всегда было моим проклятием. Виктория. Победа. Родители не просто называли меня так — они выжгли это слово у меня на лбу, как клеймо. В нашем доме никогда не ценились слёзы, зато за каждую «четверку» в дневнике я получала неделю ледяного молчания.

— Слабость — это роскошь, которую мы не можем себе позволить, Вика, — говорила мама, поправляя безупречную укладку.

Она не обнимала меня перед сном. Она проверяла, идеально ли заправлена постель. И теперь, в свои тридцать три, я стала её лучшим творением. Идеальной машиной с холодными глазами и сердцем, затянутым в тугую корсет из амбиций.

Утро началось с тишины моего пентхауса. Пятьдесят шестой этаж. Город под ногами кажется игрушечным, а люди — муравьями. Я подошла к панорамному окну, прижимая лоб к прохладному стеклу. В отражении — высокая, стройная женщина в шелковом халате. Красивая? Пожалуй. Но эта красота была колючей, как битое стекло.

Сегодня я должна была закрыть сделку года. Или, как говорил мой отец, «наконец-то доказать, что я стою его фамилии».

В одиннадцать утра я уже сидела во главе огромного стола из мореного дуба. Напротив — трое мужчин в дорогих костюмах. Они смотрели на меня с легким пренебрежением, которое быстро сменилось плохо скрываемым страхом. Я не играла в их игры. Я не кокетничала и не пыталась понравиться. Я просто знала их слабые места.

— Ваши активы переоценены на двадцать процентов, господа, — мой голос звучал ровно, как гул работающего трансформатора. — Либо вы принимаете мои условия сейчас, либо через месяц я выкуплю ваши долги за бесценок. Выбор за вами.

Один из них, пожилой седой мужчина, нервно дернул галстук. — Виктория Александровна, вы же женщина... неужели в вас нет ни капли милосердия?

Я едва заметно усмехнулась. Милосердие не оплачивает счета и не строит империи. — В бизнесе нет пола. Есть только цифры. У вас пять минут.

Я вышла из переговорной победителем. Снова. Но почему-то вместо триумфа во рту был вкус сухого мела.

В холле меня ждал Стас. Мой жених. Мой партнер. Человек, который единственный за последние три года заставлял меня верить, что я могу быть кем-то еще, кроме «Белой акулы». Он подошел, поцеловал меня в щеку — привычно, почти дежурно. От него пахло дорогим табаком и чем-то еще... незнакомым.

— Поздравляю, Вик. Ты снова их растерзала, — он улыбнулся, но глаза оставались холодными. — Родители ждут нас к семи. Отец забронировал столик в «Палаццо». Повод серьезный.

Я кивнула, чувствуя, как внутри натягивается невидимая струна. Обед с родителями всегда был похож на допрос с пристрастием.

Ресторан встретил нас тяжелым золотом и запахом трюфелей. Мой отец, Александр Петрович Валенский, сидел во главе стола, прямой, как шомпол. Мама деликатно ковыряла салат, словно он был сделан из яда.

— Мы обсудили со Станиславом ваше будущее, Виктория, — начал отец, даже не взглянув на меню. — Слияние наших компаний должно быть закреплено браком. В следующем месяце.

Я замерла с вилкой в руке. — В следующем месяце? Папа, у меня запуск нового проекта, я не могу просто...

— Ты можешь и ты сделаешь, — отрезал он. — Хватит играть в независимость. Ты — часть системы. Твоя задача — родить наследника и передать управление Стасу. Он мужчина, ему проще справляться с этой грязью.

Я посмотрела на Стаса. Ждала, что он скажет слово. Что он возразит. Но он просто кивнул, поднося к губам бокал вина.
 — Вика, отец прав. Ты устала. Тебе нужно стать просто женой. Я возьму дела на себя.

В этот момент что-то внутри меня хрустнуло. Как будто плотина, которую я строила годами, дала первую трещину.

— Стать просто женой? — я тихо положила приборы на скатерть. — То есть, всё, что я строила десять лет, всё, ради чего я не спала ночами и грызла глотки конкурентам — это просто подготовка места для тебя, Стас?

— Не утрируй, дорогая, — подала голос мама. — Женское счастье — это не годовые отчеты. Будь благодарна, что Стас готов взять на себя эту ношу. Ты ведь... тяжелый человек, Вика. С тобой непросто.

Тяжелый человек. Я смотрела на них — на троих самых близких людей в моей жизни — и видела чужаков. Они любили не меня. Они любили мои цифры, мою полезность, мой статус.

— Значит, сделка, — подытожила я. — Моя жизнь — это просто сделка.

— Виктория, не паясничай, — нахмурился отец. — Ешь.

Я встала. Стул с противным скрипом отъехал по мраморному полу.
 — Я не голодна. И замуж я не пойду. Ни в следующем месяце, ни через год.

— Сядь! — голос отца ударил, как хлыст. — Ты никуда не пойдешь. Ты позоришь меня перед Станиславом!

— Я позорю тебя? — я засмеялась, и этот смех был горьким. — А ты не боишься, что Стас уже «позаботился» о твоих активах? Ты ведь так ему доверяешь.

Стас дернулся. Его лицо на мгновение исказилось, и я поняла — я попала в цель. Интуиция «акулы» никогда не подводила. Он предавал меня. Прямо сейчас, за этим столом, за моей спиной.

— О чем ты говоришь? — Стас попытался вернуть маску спокойствия.

— О том, что я видела отчеты по офшорам, Стас. Думал, я не замечу, как ты выводил деньги со счетов нашей общей фирмы? Ты ведь думал, что я слишком занята «женским счастьем», чтобы проверять проводки?

В ресторане повисла тяжелая, душная тишина. Лицо отца налилось багровым цветом.
 — Это правда, Станислав?

— Александр Петрович, она бредит! У неё паранойя на почве переутомления! — Стас вскочил, пытаясь схватить меня за руку. — Вика, пойдем, тебе надо успокоиться...

Я оттолкнула его руку. Брезгливость — вот всё, что я чувствовала.
 — Не прикасайся ко мне. С завтрашнего дня ты уволен. И я сделаю всё, чтобы тебя не взяли даже охранником на стоянку.

— Ты пожалеешь об этом! — прошипел Стас, теряя лоск. — Ты останешься одна, слышишь? Никто никогда не полюбит такую ледяную суку, как ты! Ты сдохнешь в своем пентхаусе, и единственное, что тебя будет согревать — это твои грёбанные акции!

Я не ответила. Я развернулась и пошла к выходу, чувствуя на спине их взгляды — злые, разочарованные, алчные.

Высочив на парковку, я едва дышала. Воздуха не хватало. В ушах звенели слова Стаса: «Ледяная сука». «Машина».

Мой «Порше» ждал меня, холодный и идеальный. Я прыгнула за руль, бросив сумку на соседнее сиденье. Мне нужно было ехать. Быстро. Далеко. Туда, где нет министерских проверок, где нет предательств и где никто не требует от меня быть «просто женщиной».

Я выжала газ. Двигатель отозвался мощным рыком. Я летела по ночной Москве, разрывая огни фар, врываясь в поток, как пуля. Слезы всё-таки застлали глаза — впервые за десять лет. Они обжигали, мешали видеть дорогу.

— Ненавижу... — шептала я, сжимая руль так, что побелели костяшки. — Ненавижу вас всех!

Шоссе уходило вдаль, за город. Дождь начал бить по лобовому стеклу, превращая мир в размытое пятно. Я прибавила скорость. Сто сорок. Сто шестьдесят. Машина плыла по мокрому асфальту, теряя сцепление.

Внезапно впереди, из пелены дождя, вынырнули ослепляющие огни. Тяжелый грузовик шел на разворот, перегородив все полосы.

— Нет! — закричала я, до упора выжимая тормоз.

Визг резины. Удар. Грохот сминаемого металла был таким громким, что, казалось, раскололось само небо. Подушка безопасности выстрелила, ослепляя и удушая. Последнее, что я почувствовала — это не боль. Это была странная, пугающая легкость.

«Наконец-то... тишина», — промелькнула мысль.

А потом мир взорвался белым светом, который поглотил и Москву, и мои акции, и мою ушедшую жизнь.

Тьма была долгой. Она качала меня, как на волнах, баюкала, шептала на незнакомом языке. А потом в неё ворвался запах.

Этот запах не был похож ни на что из моей прошлой жизни. Он был плотным, честным и невыносимо резким. Так пахнет старое дерево, сырая земля и... навоз.

Я попыталась открыть глаза, но веки казались свинцовыми.

— Машка... Маш, ну ты чего? — голос был грубым, ломающимся, подростковым. — Вставай, корова ты рыжая! Председатель уже на ферме, если опоздаешь — он тебя живьем съест! И нас в приют сдаст, слышишь?

Я вздрогнула. Машка? Какой приют?

Я заставила себя открыть глаза. Надо мной был не панорамный потолок из гипсокартона, а серые, закопченные балки. На стене висел календарь с Гагариным и какой-то облезлый коврик с оленями.

Я попыталась сесть, и голову прошила такая боль, что я едва не вскрикнула. — Где я... — прохрипела я.

Голос был не мой. Он был тонким, севшим, незнакомым.

Я взглянула на свои руки, лежащие на грубом байковом одеяле. Мой безупречный маникюр исчез. Вместо него — короткие, неровно обрезанные ногти с темной каймой земли. Кожа была красной, обветренной, в мелких цыпках.

— Совсем ополоумела, — парень, стоявший рядом, выглядел лет на четырнадцать. Грязная фуфайка, вихор волос, злые и одновременно испуганные глаза. — Одевайся живо! Степановна уже заждалась. Если палочки в ведомости не будет — нам хана, Машка.

Я медленно перевела взгляд на зеркало, висевшее на стене. Треснувшее, мутное, в дешевой пластмассовой раме. В нем невозможно было увидеть изображение. Но мне показалось, что из глубины стекла на меня смотрела незнакомая девчонка. Бледная, с искусанными губами и огромными глазами. На щеке — свежий кровоподтек.

— Нет, это сон, это не я, это мне все кажется...

Я подняла руку и коснулась своего — нет, чьего-то чужого — лица. Пальцы наткнулись на болезненную припухлость, кожа под ними ощущалась шершавой, словно наждак.

Это был бред. Галлюцинация. Мозг, поврежденный в аварии, просто выкидывал со мной злую шутку. Видимо, наркоз в реанимации оказался слишком сильным, и теперь я заперта в этом душном, пахнущем кислятиной кошмаре.

— Эй! Слышишь? — парень дернул меня за рукав так сильно, что я едва не свалилась обратно на кровать. — Хватит на себя пялиться! И так тощая, как обглоданный хребет. Живо, Машка! Сапоги в сенях, фуфайка на гвозде. Если Степановна увидит, что ты не вышла, она точно председателю донесет. А он шутить не будет.

Я смотрела на него, но слова пролетали мимо, не задерживаясь. «Степановна», «фуфайка», «председатель»... Какой-то странный, затянувшийся перформанс. Может, Стас нанял актеров? Решил устроить мне шоковую терапию, пока я была без сознания? Запер в какой-то глухомани в Подмоскowie, в декорациях из старых фильмов? Или нет как в "Холопе" ..

— Ма-ша! — заорал пацан мне прямо в ухо. — Слышишь, нет?!

— Не ори на меня, — мой голос хрипел, он был тонким и жалким, но в нем всё еще билась интонация женщины, привыкшей отдавать приказы. — Где мой телефон? Где врачи?

Парень замер. Его глаза, круглые и светлые, расширились от недоумения, а потом в них мелькнул настоящий, неприкрытый страх.

— Маш... ты чего? Каких врачей? Совсем, что ль, Витька тебе мозги вышиб? Окстись! Понедельник сегодня. План сдавать надо.

Он попятился к двери, не сводя с меня настороженного взгляда, словно я была бешеной собакой, которая в любой момент может вцепиться в горло.

— Я сейчас... я за бабой Варей схожу... ты только не вопи, ладно?

Он выскочил из комнаты, хлопнув хлипкой дверью так, что со стен посыпалась известковая пыль.

Я осталась одна. Тишина в комнате была не пустой — она была живой, наполненной звуками, которых я никогда не слышала раньше. Где-то за стеной надрывно кричал петух, слышался глухой топот копыт по мягкой земле и скрип колодезного ворота.

Я снова посмотрела на свои руки. Грязь под ногтями была настоящей. Холод, пробиравший до костей через тонкую сорочку, был настоящим. Боль в затылке пульсировала в такт моему бешено колотящемуся сердцу.

— Это сон, — прошептала я, зажмуриваясь так сильно, что перед глазами поплыли цветные пятна. — Просто сон. Сейчас я открою глаза, и надо мной будет белый потолок клиники. Или хотя бы небо над шоссе.

Я открыла глаза.

Ничего не изменилось. Те же закопченные балки, тот же облупившийся комод с дурацкой кружевной салфеткой. На подоконнике в пыльной стеклянной банке стояла какая-то сухая трава, а рядом лежал огрызок химического карандаша.

Я заставила себя встать. Пол обжег ступни ледяным холодом. Шатаясь, я дошла до двери и толкнула её.

Маленькие сени встретили меня запахом сушеного укропа и кошачьей мочи. На гвозде висела тяжелая серая куртка — та самая «фуфайка». Она пахла вечностью, тяжелым трудом и безнадегой. Рядом стояли резиновые сапоги, измазанные подсохшей навозной жижей.

— Этого не может быть... — я привалилась плечом к косяку, чувствуя, как реальность ускользает из-под ног. — Какое-то шоу. Розыгрыш. Психоделический триллер.

Я толкнула входную дверь и зажмурилась от резкого, ослепительного света.

За порогом не было Москвы. Не было огней «Сити», гула моторов и запаха бензина.

Передо мной раскинулась деревня. Грязная, утопающая в весенней распутице улица, вдоль которой тянулись серые заборы. Вдали, на холме, виднелись длинные приземистые здания коровников, над которыми медленно поднимался дым. Низкое небо висело так близко, что казалось — протяни руку, и коснешься этого свинцового полотна.

— Проснись! — я с силой ударила себя по щеке. — Виктория, проснись!

Боль была острой, обжигающей. Но я не проснулась.

Мимо проехала телега, запряженная коренастой лошастью. Возница, мужик в помятой кепке, неопределенного возраста и с красным лицом, придержал вожжи и сплюнул в грязь.

— Чего стоишь, Машка, как неродная? — хохотнул он, обнажая ряд желтых зубов. — Опять вчера с Витькой лишку хватили? Беги давай, Степановна на ферме уже всех на уши подняла. Опоздаешь — председатель тебе самолично косы обкорнает!

Он стеганул лошадь и укатил, оставив после себя густой запах дегтя и навоза.

Я стояла на крыльце, босая, в одной сорочке, и смотрела на свои покрасневшие от холода пальцы. Страх, липкий и холодный, как змея, заползал под кожу. Это не было похоже на кому. И на галлюцинацию это тоже не было похоже. Слишком много деталей. Слишком много запахов. Слишком много... жизни.

«Виктория, спокойно», — скомандовала я себе, пытаюсь унять дрожь. — «Ты бизнесмен. Ты умеешь анализировать факты. Факт первый: ты попала в аварию. Факт второй: ты находишься в незнакомом месте в теле другого человека. Факт третий: это не Москва 2024 года».

Я посмотрела на стену избы. Там, на приколотом ржавым гвоздем обрывке календаря, красным цветом была обведена цифра. Но мозг отказался воспринимать информацию. Он просто выставил блок, защищая меня от безумия.

— Это просто очень плохой сон, — повторила я, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. — Сейчас я пойду туда, куда они говорят. Я найду кого-то главного. Я во всем разберусь. И тогда я обязательно проснусь.

Я шагнула в ледяные сапоги, набросила на плечи тяжелую, вонючую фуфайку и, не разбирая дороги, побрела по грязи в сторону фермы. Я еще не знала, что этот «сон» станет моей новой реальностью. И что «мажорке» Виктории придется умереть окончательно, чтобы на её месте родилась та, кто сможет выжить в этом суровом, пахнущем парным молоком и потом мире.

Глава 2

Ноги в резиновых сапогах разъезжались на скользкой жиже, которую здесь, видимо, по какому-то недоразумению называли дорогой. Каждый шаг давался с трудом — сапоги были велики, хлюпали и норовили остаться в вязком сером тесте, замешанном на весенней влаге и коровьем навозе.

— Спокойно, Виктория. Это просто иммерсивный театр. Стас всегда отличался извращенным чувством юмора, — прошептала я, кутаясь в тяжелую фуфайку.

Ткань пахла пылью и застарелым звериным потом. Я шла по улице, стараясь не смотреть на покосившиеся заборы и облупленные избы. Мой мозг, выдрессированный годами жесткого кризис-менеджмента, лихорадочно искал логические несостыковки. Где-то здесь должны быть скрытые камеры. Возможно, в тех скворечниках на березах? Или в глаза того мужика на телеге вмонтированы линзы с трансляцией?

Бюджет у этого «шоу» был впечатляющим. Грязь выглядела слишком натурально, а холод, пробиравший до костей под тонкой сорочкой, невозможно было имитировать кондиционерами.

Мимо проковыляла старуха в черном платке, таща на коромысле два ведра. Я остановилась, выпрямив спину — привычка держать осанку не исчезла вместе с должностью генерального директора.

— Женщина, доброе утро. Подскажите, где здесь штаб съемочной группы? Или хотя бы трейлер с кейтерингом? — мой голос прозвучал сухо и властно.

Старуха остановилась, медленно повернула голову. Её лицо, иссеченное морщинами, как старая пашня, не выразило ничего, кроме глухого раздражения. Она перекрестилась свободной рукой, глядя на мои босые ноги в сапогах.

— Совсем девка сбрендила, — прошамкала она. — Витька-то, ирод, видать, всю душу из тебя вытряс. Иди, иди, Машка, перекрестись на церковь-то... Может, бесы и отступят.

Она побрела дальше, а я осталась стоять посреди дороги. «Бесы». Оригинальный сценарий. Видимо, меня решили запереть в «глубинке» с религиозным уклоном.

Ферма «Заря» возникла из тумана как декорация к фильму о постапокалипсисе. Длинные, приземистые здания из серого кирпича, шиферные крыши, покрытые зеленым мхом, и густой, удушливый запах аммиака. У входа курили двое мужчин в засаленных ватниках. Они проводили меня тяжелыми, сальными взглядами, но я даже не удостоила их поворотом головы. Если это шоу, то массовка подобрана идеально — лица серые, невыспавшиеся, настоящие.

Внутри коровника было теплее, но воздух казался таким плотным, что его можно было резать ножом. Гул доильных аппаратов сливался с низким, утробным мычанием сотен коров.

— О, явилась, фифа городская! — из-за угла выплыла монументальная женщина в белом халате, который на ней не застегивался. Её лицо напоминало перезревшую свеклу, а голос мог бы заглушить реактивный двигатель. — Ты на часы-то смотрела, Машка? Или тебе персональное приглашение от Политбюро нужно?

Я скрестила руки на груди, чувствуя, как внутри закипает привычное раздражение.
— Послушайте, Степановна, или как вас там по сценарию... Умерьте децибелы. Я требую встречи с продюсером этого балагана. Или с режиссером. Немедленно.

Бригадирша замерла. Её рот приоткрылся, обнажая железную коронку. В коровнике наступила странная, звенящая тишина — даже доярки в соседних рядах перестали греметь ведрами.

— С кем встречу? — переспросила она вкрадчиво, и этот тон был опаснее крика. — С режиссером? Это который... из района, что ли, по культуре?

— С тем, кто платит за этот цирк, — отрезала я. — У меня контракт, у меня юристы...

Степановна вдруг сделала шаг вперед и, не дав мне договорить, сунула мне в руки тяжелое оцинкованное ведро. — Продюсер тебе в дышло, Машка! Коровам плевать на твои контракты, им доиться надо! Если через час сорок голов не пройдешь — я тебе устрою и режиссера, и массовку в кабинете у председателя. Марш к тридцать второму стойлу!

Она так толкнула меня в плечо, что я едва удержалась на ногах. Обида вспыхнула жарким пламенем. Стас... если это твоя месть, то она слишком мелкая. Заставить меня доить коров? Смешно.

Я подошла к стойлу №32. Огромная рыжая корова посмотрела на меня влажным, безразличным глазом и шумно выдохнула, обдав запахом пережеванной травы.

«Окей, Виктория. Ты антикризисный менеджер. Корова — это просто биологический объект. Процесс дойки — это производственная линия», — уговаривала я себя, присаживаясь на низкую скамеечку.

Я попыталась коснуться вымени, и меня едва не вырвало. Кожа была горячей, облепленной какой-то грязью, живой. Это не было похоже на латекс или качественный грим. Корова нервно дернула хвостом, хлестнув меня по лицу. Жесткие волоски больно полоснули по щеке, и я почувствовала на губах соленый вкус крови.

В этот момент в коровнике что-то изменилось. Гул голосов стих, сменившись торопливым звяканьем металла.

— Председатель... — пронеслось по рядам коротким испуганным шепотом.

Я обернулась. В проходе стоял мужчина. Он не был похож на актера, играющего сельского начальника. Высокий, подтянутый, в ладно сидящем френче цвета хаки без погон. Его лицо было словно высечено из гранита — резкие скулы, прямой нос и глаза цвета предгрозового неба. Он не шел, он печатал шаг, и в каждом его движении чувствовалась военная выправка и привычка командовать.

Это был Алексей. Главный герой этого безумия.

Он остановился в паре метров от меня. Его взгляд, холодный и сканирующий, прошелся по моей фигуре. Я осознала, как выгляжу: растрепанная, с кровоподтеком на щеке, в распахнутой фуфайке, под которой была лишь тонкая ночная сорочка. Любая другая на моем месте сжалась бы, попыталась прикрыться.

Но я была Викторией Валенской. Я встала, медленно, с достоинством, и посмотрела ему прямо в глаза. Я не опустила взгляд. В бизнесе побеждает тот, кто первым моргнет.

Алексей замер. На его лице не дрогнул ни один мускул, но я увидела, как в глубине его зрачков мелькнуло изумление. Он привык, что Мария — эта сломленная девчонка — втягивает голову в плечи при его появлении. А сейчас перед ним стояла женщина, чей взгляд был острее бритвы.

— Почему не по форме, Мария? — его голос был низким, с легкой хрипотцой, и он вибрировал где-то в районе моей грудной клетки. — Где косынка? Почему халат не надет?

— Форма — это вопрос эстетики, — ответила я, и мой голос был абсолютно спокоен. — В данном интерьере она всё равно не спасет ситуацию. А вы, я полагаю, здесь главный?

Степановна, стоявшая за спиной председателя, охнула и прикрыла рот ладонью. Мужчины-скотники замерли с открытыми ртами.

Алексей сузил глаза. Он сделал шаг ко мне, вторгаясь в моё личное пространство. От него пахло махоркой, хозяйственным мылом и чем-то неуловимо мужским, надежным.

— Эстетики? — переспросил он, и в его голосе послышалась опасная ирония. — Ты слова-то такие откуда узнала, Маша? Вчерашняя сивуха еще не выветрилась?

— Я не пью дешевый алкоголь, — я сделала шаг навстречу, так что между нашими лицами осталось всего несколько сантиметров. — И я не «Маша». Если хотите конструктивного диалога — смените тон.

Алексей замолчал. Я видела, как на его челюсти заиграли желваки. Он смотрел на меня так, будто видел впервые. Не как на подчиненную, а как на досадную, но невероятно интересную помеху.

— Иди домой, — наконец глухо произнес он. — Степановна, подмени её. Она либо бредит, либо... — он не договорил, резко развернулся и зашагал к выходу.

Я смотрела ему в спину, чувствуя, как сердце колотится о ребра. Это был не сценарий. Актеры так не смотрят. В его глазах была подлинная власть, а не её имитация.

Изможденная, я вышла из коровника спустя час. Ноги подкашивались. Я добрела до стены конторы, привалившись к холодному кирпичу. Возле входа на доске объявлений под слоем пыли висела газета.

Я подошла ближе. Глаза выхватили заголовок: «Правда».

Я посмотрела на дату. Черные цифры на желтоватой бумаге ударили меня сильнее, чем авария на шоссе.

«Понедельник, 14 апреля 1980 года».

Рядом красовался плакат с олимпийским мишкой: «До Олимпиады в Москве осталось 96 дней!».

Я потрогала бумагу пальцами. Она была сухой, ломкой, настоящей. Я подняла глаза на горизонт. Там, за лесом, не было ни одной вышки связи. Ни одного самолета в небе. Только бескрайняя, гулкая тишина исчезнувшей империи.

Мир вокруг качнулся. Грязь под ногами стала единственной реальностью. Не было Стаса. Не было пентхауса. Не было «Порше».

Я была здесь. В прошлом. И мне нужно было не просто проснуться. Мне нужно было выжить.

Я медленно опустилась на колени прямо в серую жижу, и впервые в жизни мне захотелось не отдавать приказы, а просто закрыть глаза и исчезнуть. Но где-то внутри, под слоем чужой плоти, старая Виктория зло прошептала: «Вставай. У нас еще слишком много дел в этом восьмидесятом».

Глава 3

Я медленно брела по улице....«1980» — эти четыре цифры впечатывались в сознание, словно раскаленное клеймо, превращая логику в бессвязный бред и заставляя всё моё существо содрогаться от осознания масштаба катастрофы. Пока я лихорадочно гадала, догорит ли моё законное тело в искореженном «Порше» на подмосковном шоссе, до меня медленно доходил весь ужас случившегося: плен в оболочке этой забитой девчонки был не просто изощренным адом, а моим единственным, пугающим шансом выторговать у судьбы право на жизнь.

Грязь под ногами больше не казалась декорацией. Она была живой, прожорливой и пахла так, как пахнет сама безысходность — смесью талого снега, застоявшейся навозной жижи и гнилой соломы. Сапоги весили по пуду каждый. Я шла от фермы к «своему» дому, и каждый шаг отзывался в затылке тупой, пульсирующей болью. Это тело, принадлежавшее Марии, было изношено до предела, словно старый механизм, который годами не смазывали, но заставляли работать на износ.

Я остановилась у покосившейся витрины сельпо. Стекло было мутным, в разводах, но мартовское солнце, пробившееся сквозь свинцовые тучи, позволило мне рассмотреть отражение.

Бледное лицо. Волосы цвета застиранной ржи, выбившиеся из-под нелепого платка. И глаза. В зеркальных стенах «Москва-Сити» эти глаза светились холодным азартом хищника, готового к поглощению очередного конкурента. Сейчас в них застыло недоумение пополам с яростью.

— Ну что, Виктория Александровна, — прошептала я, чувствуя, как обветренные губы трескаются до крови. — Дивидендов не будет. Акции аннулированы. Добро пожаловать на дно.

Я не верила в мистику. Я верила в активы, логику и в то, что любого человека можно купить, если правильно нащупать его цену. Но сейчас мой «актив» — это два костлявых плеча под ватником и пустой желудок, который скручивало так, будто в нем поселился голодный зверь.

Калитка встретила меня надрывным, издевательским скрипом. Двор напоминал болото, в котором кое-где островками торчали обломки досок. Дом, серый от времени и сырости, смотрел на меня маленькими окнами-глазницами. Я толкнула тяжелую дверь, вошла в сени и замерла. Запах... В Москве я платила бешеные деньги за свечи с ароматом «старой библиотеки», но здесь пахло не книгами. Пахло пылью, кислым хлебом, немытыми телами и чем-то безнадежно застарелым.

В углу кухни, за массивной печкой, кто-то зашуршал.

— Выходите, — скомандовала я. Голос все еще казался чужим, но командные нотки в нем прорезались сквозь хрипоту. — Живо.

Две головы показались из темноты. Один — постарше, лет восьми, с вихром светлых волос и настороженным взглядом. Другой совсем кроха, года четыре, с размазанными по щекам слезами и пальцем во рту. Они смотрели на меня так, будто я была не сестрой, а карательным отрядом. Маленький малыш всхлипнул и спрятался за брата, которого назвал Колькой.

— Опять бить будешь? — угрюмо спросил старший, Колька. В его глазах не было детской обиды, только привычная готовность к боли.

Меня словно хлестнули наотмашь. Виктория Александровна никогда не отличалась сентиментальностью — благотворительные фонды для меня были лишь способом оптимизации налогов. Но этот взгляд... Он прошивал насквозь.

— Никто тебя бить не будет, — я стащила фуфайку, едва не поморщившись от её веса. — Умывайтесь. Оба. И стол приберите.

Колька замер, недоверчиво сощурившись. — Чего это? Ты ж вчера говорила, что мы тебе жизнь заедаем...

— Мало ли что я говорила вчера, — я подошла к ведру с водой. Вода была ледяной, подернутой тонкой пленкой. — Считай, что у меня амнезия. Или совесть проснулась. Колька, я дважды не повторяю. Воду на печь, тряпку в руки. Живо.

Мой голос, тот самый, от которого подчиненные в офисе роняли папки, сработал. Колька вздрогнул, схватил ковш и принялся суетиться. Малыш, который оказался Антошкой, так и остался стоять, глядя на меня огромными глазами.

Я оглядела кухню. Это был не дом, это был проект по ликвидации последствий катастрофы. Грязная посуда, слой жира на столе, на подоконнике — пустая бутылка из-под какой-то мутной дряни. Я взяла её двумя пальцами, испытывая жгучее желание немедленно вымыть руки с антисептиком.

— Где еда? — спросила я, открывая пустой шкаф.

— Дак... картошка в подполе, — прошептал Колька, не отрываясь от чугунка. — И хлеба кусок остался. Ты ж вчера всё Витьке отдала, когда он приходил. Сало и яйца... всё унес.

Витька. Это имя начинало вызывать у меня зубную боль. Местный «мачо», обчистивший сирот. Оригинально.

— В подпол я не полезу, — я посмотрела на свои сапоги. — Доставай. Сварим.

Следующие два часа превратились в битву с материей. Я, женщина, которая не знала, как включается плита без сенсорной панели, училась обращаться с ухватом. Спина ныла, руки дрожали от непривычного напряжения. Каждый наклон отдавался звоном в ушах. Но грязь... я не могла её выносить. Это было выше моих сил.

Я оттирала стол старой мешковиной, пока дерево не начало светлеть. Я заставила Кольку принести еще воды и отмыла Антошку, который сначала скулил, а потом притих, удивленный тем, что его не дергают за уши.

— Садись, — я поставила на стол миску с дымящейся картошкой. Без масла, без укропа, просто посыпанную крупной серой солью.

В избу вошел Мишка. Угрюмый, в промокшем ватнике, от него пахло махоркой и колючим весенним ветром. Он обвел взглядом чистую кухню, умытых младших и меня. Его лицо исказилось в злой усмешке.

— Гляди-ка, — он швырнул шапку на лавку. — Марафет навела. Что, Витька обещал зайти, так ты выслуживаешься? Думаешь, полы помыла — так он тебя замуж возьмет, а не просто за забор выкинет?

Я медленно выпрямилась, чувствуя, как внутри закипает «акула». — Витька больше не придет, Миша. Садись есть.

— Ого, голос прорезался? — Мишка подошел ближе, нависая надо мной. — Ты думаешь, если картошки сварила, так мы забыли, как ты материно кольцо пропила? Председатель сегодня в школе был. Сказал, комиссия приедет в пятницу. Нас заберут, Машка. Понимаешь, нет? Потому что ты — непутевая. Потому что хата — хлев.

Он ударил кулаком по столу, так что миска подпрыгнула. — Он не верит тебе! Никто в деревне тебе не верит!

Я не стала орать. Я просто посмотрела ему прямо в глаза — тем самым взглядом, которым закрывала сделки на миллионы. — Послушай меня, Михаил. Пятница — это крайний срок. К пятнице этот дом будет образцовым. А ты будешь ходить в школу и приносить оценки, а не окурки. Это моя семья. И я никого не отдам. Ты меня услышал?

Мишка поперхнулся словами. Он долго смотрел на меня, и в его глазах я увидела борьбу — между привычной ненавистью и внезапным, ошеломляющим узнаванием какой-то силы, которой в Марии никогда не было.

— Чего ты... — он запнулся. — Чего ты так на меня смотришь? Глаза... будто не твои.

— Мои, Миша. Самые что ни на есть мои. Ешь.

Вечер прошел в тяжелом молчании. Колька и Антошка уплетали картошку, Мишка хмуро жевал хлеб, поглядывая на меня. Когда дети улеглись на печи, а Мишка затих на своей лавке, я наконец позволила себе опуститься на кровать.

Тело гудело. Каждая мышца требовала покоя, но разум продолжал анализировать. «Пятница. Четыре дня. Мне нужно убедить Алексея. Или сломать его предубеждения».

Я потянулась к подушке — жесткой, колючей — и рука наткнулась на что-то под матрасом. Шорох бумаги.

Я замерла. Осторожно, чтобы не скрипеть кроватью, достала небольшой клочок. Это была не записка. Это была залоговая квитанция из сельпо, выписанная кривым почерком продавщицы.

«Принято в залог: серьги золотые, 583 проба, 2 шт. Задолженность: 15 рублей (водка — 4 бут., консервы)».

Внизу стояла дата — три дня назад. И размашистая подпись: «Иванова».

Я сжала бумажку в кулаке. Валенская внутри меня скрипнула зубами. Вот она, цена падения Марии. Последняя память о матери — золотые серьги — были обменены на четыре бутылки пойла для Витьки.

— Значит, серьги, — прошептала я в темноту. — Хорошо, Мария. Это будет наш первый контракт. Я верну их. И я верну тебе имя, которое ты так легко променяла на сивуху.

Я закрыла глаза. Снаружи, в весенней тьме, выла собака и шумел лес. Завтра мне предстояло вернуться на ферму. И я знала одно: Алексей увидит не ту девчонку, которую он сегодня выставил за дверь. Он увидит женщину, которая не умеет проигрывать. Даже если на кону не миллионы, а три чужих жизни, ставших моими.

А в пятницу... в пятницу мы посмотрим, кто из нас на самом деле «непутевый».

Глава 4(Алексей)

(от лица Алексея)

Ледяная корка в рукомойнике хрустнула под пальцами, как тонкое стекло. Я плеснул в лицо водой, чувствуя, как колючий холод мгновенно выметает из головы остатки тяжелого, безрадостного сна. В зеркале, мутном от сырости, отразился мужчина тридцати двух лет с резкой складкой между бровей и кожей, дубленой ветрами и гарнизонной службой. Взгляд остался прежним — офицерским, привыкшим искать в панораме не красоту, а огневые точки.

Армия научила меня двум вещам: дисциплине и тому, что любая неисправность в механизме начинается с мелочи. Колхоз «Заря», который мне доверили полгода назад, был не просто неисправен — он шел вразнос.

Я накинул китель, застегнул пуговицы с привычной тщательностью. В пустом доме пахло холодной печью и вчерашним чаем. Смерть жены три года назад вымела отсюда уют, оставив лишь функциональность. Я не жаловался. Одиночество — это тоже своего рода порядок, в котором никто не переставит твою кружку и не задаст лишних вопросов.

В кабинете правления меня ждала папка. Серая, потертая, с засаленными углами. Личное дело Марии Ивановой.

Я открыл её, и на стол выскользнуло представление в районную комиссию. Моя размашистая подпись на нем выглядела как окончательный приговор.

Многие в деревне считали меня сухарем, судившим людей по уставу. Но я видел этих пацанов — Мишку, Кольку, Антошку. Видел их голодные глаза и застиранные лохмотья. Мария пила, таскала из дома последнее, чтобы угостить своего хахалю Витьку-водителя, и давно превратилась в тень самой себя. Оставлять детей с ней было преступлением. Интернат — не сахар, но там хотя бы кормят по распорядку, есть чистые простыни и врачи. Я считал, что спасаю их. От неё самой.

— Алексей Николаевич, — в дверь просунулась голова Петровича, моего водителя. — УАЗик прогрет. На ферму двинем?

— Двинем, Петрович. Пора проверить, как там наши «ударники» сдают план.

Дорога к ферме превратилась в сплошное месиво из серой каши и глубоких колеи. УАЗ подпрыгивал, рычал, выплевывая из-под колес ошметки грязи. Петрович, обычно словоохотливый, сегодня поглядывал на меня как-то странно, будто хотел что-то сказать, но не решался.

— Слышь, Николаич, — наконец выдал он, когда мы проезжали мимо селпо. — Там на ферме бабы шепчутся. Про Машку-то. Говорят, белена в неё вселилась. Степановна вчера прибежала к учетчице, крестилась. Говорит, Машка её так осадил — у той чуть коронка не вылетела. Словами сыплет такими, что в словаре не найдешь.

Я промолчал, глядя на проплывающие мимо корявые березы. Белена — это вряд ли. Скорее, предчувствие конца. Загнанная в угол крыса тоже может прыгнуть.

Ферма «Заря» встретила нас привычным гулом и тяжелым духом аммиака. Степановна, бригадирша с кулаками размером с хорошую тыкву, уже неслась навстречу, вытирая руки о несвежий халат.

— Алексей Николаевич! Ох, хорошо, что приехал. Глянь ты на неё, — она ткнула пальцем в сторону тридцать второго стойла. — С утра пришла — ни полслова, ни жалобы. Халат выглядила! Глаза... Николаич, у неё глаза не те. У меня аж мороз по коже.

Я отстранил Степановну и пошел вглубь коровника.

Я увидел её издалека. Мария стояла спиной ко мне. Косынка завязана так туго и аккуратно, что не выбилось ни единого волоска. Плечи развернуты, спина прямая — никакой привычной сутулости существа, привыкшего к побоям и вечному стыду. Она работала споро, уверенно. В её движениях сквозила странная, почти высокомерная сосредоточенность.

Я остановился в пяти шагах. Она не видела меня, но я почувствовал, как воздух вокруг неё словно вибрирует от напряжения.

— Иванова, — негромко позвал я.

Она не вздрогнула. Медленно выпрямилась, выключила аппарат и только потом повернулась.

На меня смотрела Мария. Те же черты лица, та же бледная кожа. Но взгляд... Из глубины этих глаз на меня смотрел чужак. Холодный, расчетливый ум, бездна ледяного спокойствия. Она не ждала окрика. Она оценивала меня, как равного противника.

— Доброе утро, Алексей Николаевич, — произнесла она. Голос был тихим, но в нем вибрировала сталь. Никакой привычной хрипотцы, никакой заискивающей улыбки.

— С каких это пор мы стали такими вежливыми? — я сделал шаг вперед, пытаюсь подавить внезапное замешательство. — Степановна говорит, ты вчера спектакли тут устраивала.

Она чуть склонила голову набок. На её губах промелькнула тень улыбки — холодная, ироничная.

— Я просто следую трудовому распорядку, — ответила она. — К сожалению, ваша бригадирша путает дисциплину с личными оскорблениями. Я пришла работать, а не выслушивать её домыслы.

Я замер. Она говорила со мной не как доярка с председателем, а как... как чиновник из области.

— Ты где таких слов нахваталась, Иванова? У Витьки в кабине? Или в старых газетах вычитала?

Мария сделала шаг навстречу. Она не боялась. Она сократила дистанцию так, что я почувствовал её запах. Это не был запах дешевого самогона. Это был запах... мыла и странной, ледяной чистоты.

— Витька — это ошибка, которую я больше не совершу, — отрезала она. — У нас есть три дня до пятницы, верно? Я знаю про комиссию.

— Знаешь? — я усмехнулся, хотя внутри всё напряглось. — И что дальше? Думаешь, помыла полы и халат погладила — и я всё отменю? Маша, ты пила два года. Ты детей забросила. Дом в руинах. Пятница — это просто формальность. Документы уже в районе.

— Документы можно отозвать, — она смотрела мне прямо в зрачки. В её глазах не было слез. Там была сделка. — Мое прошлое — это пассив, который я не могу изменить. Но я предлагаю вам посмотреть на факты. Сегодня план выполнен без задержек. Дети умыты. В доме порядок. Дайте мне шанс доказать, что я могу быть главой этой семьи.

— Шанс? — я почти захохотал, но смех вышел сухим. — Ты со мной как парторг разговариваешь. Иванова, ты понимаешь, что в интернате им будет сытнее?

— Лучше, чем с родной сестрой, которая за них зубами горло перегрызет? — она вдруг понизила голос, и в нем лязгнуло железо. — Алексей Николаевич, вы ведь честный человек. Я вижу. Так будьте честны до конца. Если к пятнице я хоть в чем-то дам сбой — я сама посажу их в вашу машину. Но если я справлюсь — вы заберете свое представление из РайОНО.

В проходе послышался шум. Витька-водитель, в расстегнутой фуфайке, с наглым лицом, ввалился в коровник. — Слышь, Машуха! Хорош ломаться, я ж знаю, у тебя там...

Он осекся, увидев меня, но наглость не растерял. — О, Николаич тут. Маш, ну че ты, пошли, перекурим...

Я ждал, что она привычно ссутулится и побредет за ним. Но Мария даже не повернулась полностью. Она бросила через плечо один-единственный взгляд. В нем было столько брезгливого презрения, что Витька буквально споткнулся на ровном месте.

— Пошел вон, Виктор, — холодно произнесла она. — Ты мешаешь работать. И забудь дорогу к моему дому. Я ясно выразилась?

Витька что-то пробурчал, кинул на меня злой взгляд и вымелся из коровника.

Я снова посмотрел на Марию. Она стояла передо мной — спокойная, собранная. Руки её были красными от ледяной воды, в мозолях, но жесты — уверенными и точными.

— Кто ты такая? — спросил я тихо, почти против воли.

Она едва заметно улыбнулась. В этой улыбке была такая глубина и такая горечь, что у меня кольнуло где-то под ребрами.
— Я та, кто не умеет проигрывать, Алексей Николаевич. Даже когда ставки — жизнь.

Я ничего не ответил. Развернулся и быстро зашагал к выходу. Мой мозг лихорадочно обрабатывал информацию. Это не была прежняя Мария Иванова. Человек не может измениться за одну ночь до такой степени — до интонаций, до манер, до самого запаха души.

Садясь в УАЗик, я бросил Петровичу:
— В сельсовет. Быстро.

— Чего так, Николаич? Почуял неладное?

— Почуял, Петрович. Почуял, что в этой деревне началась война, о которой мы еще ничего не знаем.

Я ехал и чувствовал, как этот ледяной взгляд всё еще жжет мне затылок. Я обещал себе быть суровым. Обещал навести порядок. Но сейчас я понимал одно: в пятницу мне придется совершить самый сложный выбор в моей жизни. И почему-то мне казалось, что эта «новая» Мария Иванова еще заставит меня не раз пожалеть о моей самоуверенности.

Глава 5

Будильник в моей прошлой жизни был мелодичным шепотом последней модели смартфона. Здесь же время вгрызалось в сознание хриплым, надрывным воплем петуха, который, кажется, вознамерился выкричать свои легкие прямо под моим окном.

Я открыла глаза и не сразу поняла, почему не могу пошевелить плечом. Тело Марии отозвалось на попытку встать такой резкой, простреливающей болью в пояснице, что в глазах на мгновение потемнело. Среда. Третий день моего личного апокалипсиса и второй день моей войны за выживание.

— Производственный аудит окончен, — прохрипела я, сползая с кровати. — Состояние объекта: критическое. Требуется срочная замена фильтров и капитальный ремонт.

Я подошла к рукомойнику. Ледяная вода обожгла лицо, вырывая из остатков сна. В мутном зеркале отразилось нечто, мало напоминающее Викторию Валенскую, главу инвестиционного фонда. Бледная кожа, синяк на скуле, перецветающий из багрового в грязно-желтый, и волосы, которые требовали нормального шампуня, а не того куска хозяйственного мыла, что пахло собачьей шерстью и безнадёгой.

Мышцы ныли, ладони, стертые вчера на ферме до кровавых мозолей, горели огнем. Но внутри, под слоем этой немощной плоти, стальной стержень моей воли гнулся, но не ломался. Я привыкла работать с цифрами и людьми, которые понимают только язык силы, а теперь мне приходилось работать с материей, которая сопротивлялась каждому моему движению.

На плите уже стоял чугунок. Мишка спал на лавке, раскинув руки, — во сне он казался просто ершистым подростком, а не тем озлобленным зверенышем, который вчера обещал мне все кары небесные. Колька и Антошка сопели на печи.

Я быстро нарезала хлеб — тяжелый, серый, пахнущий настоящим зерном, а не химическими добавками из будущего. Нашла в шкафу остатки заварки. Это был мой утренний ритуал силы. Моя подготовка к выходу в «открытый космос» советской действительности. Мне нужны были ресурсы: мыло, соль, спички. И мне нужно было вернуть те чертовы серьги, которые Мария заложила в селпо.

Дорога к магазину напоминала полосу препятствий. Грязь за ночь подернулась тонким льдом, который предательски ломался под сапогами. Деревня просыпалась неохотно: где-то скрипел колодезный ворот, кто-то ворчал на скотину. Я шла, чувствуя на себе взгляды из-за занавесок. Вчерашний мой выход на ферме уже стал достоянием общественности. В таких местах информация распространяется быстрее, чем по оптоволокну.

Здание селпо встретило меня тяжелым запахом махорки от крыльца. У дверей уже переминались две женщины в ватниках и ярких платках. При моем появлении они мгновенно замолчали, обменявшись такими красноречивыми взглядами, что мне не нужно было быть телепатом, чтобы понять — я главная тема утреннего выпуска местных новостей.

— Здрасьте, — буркнула одна, та, что пошире в плечах, с лицом, напоминающим заветренную ветчину. — Что, Машка, никак за добавкой прибежала? Или Витька твой вчера всё вылакал, что даже опохмелиться нечем?

Я остановилась на ступеньку ниже, так, чтобы наши глаза оказались на одном уровне. Мой взгляд, отшлифованный на переговорах с лондонскими брокерами, заставил её осесть.

— Доброе утро, — ответила я ровным, ледяным тоном. — И не стоит беспокоиться о моем рационе. Это вредно для цвета лица. И для вашего — в особенности.

Баба поперхнулась воздухом. Вторая, помельче, хихикнула в кулак, но тут же сделала серьезное лицо под моим взглядом.

Дверь скрипнула, и нас пустили внутрь. Запах в магазине был специфическим: смесь селедки из бочки, дешевого ситца, стирального порошка «Лотос» и какой-то неуловимой пыльной сладости.

— Галка, мне пачку соли, два мыла и сахара килограмм, — я выложила на прилавок помятые рубли, которые нашла в старой жестянке из-под чая.

Продавщица Галя, женщина с высокой начесанной прической, напоминающей сахарную вату, не спешила. Она медленно пересчитала деньги, глядя на меня со смесью жалости и плохо скрытого презрения.

— А что, Маш, правда, что детей в пятницу забирают? — громко, на весь магазин, спросила та, что «Ветчина», встав за моей спиной. — Оно и к лучшему, поди. Хоть наедятся в интернате-то. А ты молодая, снова пузо наносишь, чай, не впервой. От городского-то мажора подарок остался, говорят? Поговаривают, ты от него брюхатая ходишь, вот Витька и бесится.

В магазине стало тихо. Слышно было только, как за стеной тикают старые часы. Галка-продавщица замерла, впившись в меня глазами.

Я медленно повернулась к своей обидчице. Внутри всё клокотало от ярости, но Виктория Валенская никогда не опускалась до рыночного хабальства. Я атакую фактами.

— Послушайте, любезная, — начала я, и мой голос заполнил пространство, вибрируя от скрытой силы. — Я понимаю, что ваша собственная жизнь настолько серая, что чужое грязное белье кажется вам интереснее вечерней газеты. Но давайте проясним ситуацию. Мои дети остаются дома. Это первое. Второе: ваши фантазии относительно моей личной жизни говорят лишь о вашем избыточном свободном времени. Может, вам стоит больше внимания уделять мужу? Говорят, его вчера опять видели у Степановны на задворках, и он явно не план по надоям там обсуждал.

Лицо женщины пошло пятнами. Она открыла было рот, чтобы что-то выкрикнуть, но я не дала ей шанса.

— И насчет сплетен, — я шагнула к ней вплотную. — Если я еще раз услышу в деревне бред о своей «беременности», я найду способ доказать районному прокурору, кто именно в нашем колхозе списывает дизельное топливо на левые рейсы. У вас ведь брат на нефтебазе работает, не так ли?

— Ты... ты что мелешь, Машка?! — взвизгнула баба, но в её глазах вспыхнул настоящий, животный страх.

— Я не мелю. Я констатирую риски.

Я повернулась к онемевшей Галке. — Товар, пожалуйста. У меня рабочий день начинается через пятнадцать минут. И покажите мне те золотые серьги, что лежат у вас в залоге. Я выкуплю их с первой же зарплаты. Не смейте их продавать.

Мне выдали покупки в гробовой тишине. Когда я выходила, никто не посмел бросить мне вслед даже слово. Но я знала — это лишь первый раунд.

На крыльце меня перехватила баба Варя — соседка, тихая старушка, которая всегда пахла мятой и старой шерстью. Она вкрадчиво потянула меня за рукав фуфайки.

— Машка, ты это... ты полегче, дочка. Ишь, как ты их приложила. А ну как Витька узнает? Он ведь злой, Маш. Слыхала я, он вчера у магазина распинался, мол, ты ему кольцо материно задолжала, и если не отдашь — он из тебя всю дурь выбьет. И про беременность... он ведь сам этот слух пустил, чтобы ты не дергалась, к нему привязанная была. Мстит он тебе за то, что ты его вчера при людях опозорила.

— Спасибо за информацию, Варвара Степановна, — я кивнула, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Пусть Виктор готовится. Выбивать дурь — процесс обоюдный.

Я почти бежала домой. В голове крутились слова про кольцо и беременность. Значит, Витька решил использовать грязь, чтобы удержать Марию на поводке. Старый прием мелких тиранов.

В избу я ввалилась, едва дыша. Мишка уже ушел, оставив на столе пустую кружку. Колька собирал Антошку.

— Маша! Смотри! — Антошка подбежал ко мне, сияя. — Я тарелку вымыл! Сам!

Я взглянула на пол и похолодела. У ног малыша лежали осколки. Та самая тарелка, последняя из более-менее приличных, разлетелась вдребезги.

Ребенок, увидев мой взгляд, мгновенно изменился в лице. Он не просто испугался — он сжался, втянул голову в плечи и закрыл лицо руками, ожидая привычного удара или матерного окрика. Всё его маленькое тело дрожало от ужаса. Мария явно не прощала ошибок.

В этот момент Виктория Валенская, которая увольняла топ-менеджеров одним движением брови, окончательно капитулировала.

Я медленно, преодолевая боль в коленях, опустилась на корточки прямо на холодный пол.

— Антоша... — позвала я тихо.

Он не шевелился, только всхлипнул.

Я протянула руку и коснулась его макушки. Волосики были мягкими, как пух. Я осторожно притянула его к себе.

— Ничего страшного, маленький. Это просто стекло. Главное, что ты не порезался. Мы соберем осколки вместе.

Мальчик замер. Он не верил. А потом, всхлипнув уже по-настоящему, он уткнулся мне в шею, обхватив маленькими ручонками. Это был первый раз за всю мою осознанную жизнь, когда меня обнимали не потому, что я была полезна, и не потому, что я была богата. А просто потому, что я была рядом.

В груди что-то болезненно, резко хрустнуло. Ледяной панцирь, который я наращивала годами, не выдержал этого простого детского объятия.

— Иди, Коля, отведи его к бабе Варе, пока я на смене, — я отстранилась, вытирая глаза рукавом. — И не бойтесь. Никто вас больше не тронет.

Я стояла у окна, провожая их взглядом. Мир за окном был серым, суровым, чужим. Но теперь у меня была цель, куда более важная, чем годовой отчет.

У калитки притормозил синий УАЗик. Алексей. Он не вышел, просто сидел за рулем, глядя на мой дом через лобовое стекло. Пару секунд мы смотрели друг на друга — сквозь мутное стекло и пелену лет, разделяющих наши миры.

Он не нажал на газ, пока я не вышла на крыльцо и не кивнула ему — коротко, по-деловому. Председатель медленно тронул машину с места.

Я знала: он наблюдает. Он ждет ошибки. Но он еще не понял, что Мария Иванова больше не играет по его правилам. У меня впереди была пятница. И я собиралась выиграть этот раунд.

Глава 6

Вечернее солнце запуталось в голых ветвях прибрежных ив, окрашивая грязные лужи на территории фермы в цвет запекшейся крови. Я шла к коровнику, чувствуя, как с каждым шагом ватные штаны становятся тяжелее, словно впитывая в себя всю усталость этого бесконечного дня. Среда подходила к концу, но для меня она только начиналась — вечерняя дойка не прощала пауз и не знала жалости к стертым в кровь ладоням.

Внутри «Зари» гул стоял такой, что закладывало уши. Но стоило мне переступить порог, как общий фон звуков изменился. Громкий хохот доярок в конце ряда оборвался, сменившись короткими, настороженными смешками. Они смотрели на меня иначе. Утренняя сцена в селпо, разлетевшаяся по деревне со скоростью лесного пожара, выжгла привычную насмешку из их глаз, оставив там липкую, серую опаску. Теперь я была для них не «Машкой-пропойцей», а опасной сумасшедшей, которая знает слишком много о чужих мужьях и ворованном дизеле.

— Глядите-ка, королева прибыла, — пробасила Степановна, не оборачиваясь. Она стояла у молочного бака, и её широкая спина, обтянутая несвежим халатом, выражала крайнюю степень презрения. — Что, Иванова, корову-то с министерским креслом не спутаешь? Или тебе ведро позолоченное подать?

Я не ответила. Вступать в дискуссию с линейным персоналом, когда у тебя «горит» план и на кону судьба троих детей — непозволительная трата ресурсов. Я прошла к своему стойлу, отмечая по пути каждую оплошность местного менеджмента: здесь пролит обрат, там шланг валяется под копытами, создавая угрозу травматизма. Мой внутренний голос, голос Виктории Валенской, задышался от негодования.

«Спокойно, Вика. Оптимизируй то, что можешь достать руками», — приказала я себе.

Я начала работу. Мои движения были выверены до секунды. Чистка, обмыв, подключение аппарата. Никаких лишних жестов. Через полчаса я заметила, что Степановна всё чаще оглядывается в мою сторону. Её злило не то, что я плохо работаю. Её бесило, что я работаю лучше всех, при этом не проронив ни слова.

— Чего ты там копаешься у тридцать четвертой? — рявкнула она, подходя ближе. — Аппарат-то не тянет, не слышишь, что ли? Забился, поди, у такой-то хозяйки.

Я выпрямилась, вытирая руки о подол халата. — Он не забился, — мой голос прозвучал сухо и отчетливо, перекрывая гул моторов. — У него прокладка в пульсаторе изношена. Слышите этот неровный свист? Если не заменить сейчас, через сорок минут у коровы начнется отек. И вы завтра не досчитаетесь десяти литров по этому ряду.

Степановна замерла. Её лицо, и без того багровое от жары, стало цвета свекольного сока. Она хотела было что-то выкрикнуть, привычно сорваться на визг, но внезапно осеклась.

За её спиной, в дверном проеме, стоял Алексей.

Он не выдал своего присутствия ни звуком. Просто стоял, прислонившись к косяку, скрестив руки на груди. В полумраке коровника его фигура казалась монументальной, высеченной из того же гранита, что и его характер. Он наблюдал. И я кожей чувствовала, как его взгляд сканирует меня, пытаюсь найти хоть одну трещину в моей маске.

— Степановна, проверь, что она говорит, — негромко приказал он.

Бригадирша, ворча под нос про «шибко умных», полезла к аппарату. Тишина в ряду стала почти осязаемой — даже коровы, казалось, перестали жевать жвачку. Через минуту она выпрямилась, и по её растерянному виду стало ясно: «акула бизнеса» оказалась права.

Алексей медленно пошел в мою сторону. Каждый его шаг печатал по бетонному полу ритм моего собственного пульса. Он остановился так близко, что я почувствовала запах его кителя — табак, хозяйственное мыло и холодный весенний ветер.

— Откуда такие познания в технике, Иванова? — спросил он, глядя мне прямо в глаза.

В его взгляде не было подозрения, там был расчет. Он оценивал меня не как доярку, а как опасный, неучтенный фактор на вверенной ему территории.

— Я умею слушать, Алексей Николаевич, — ответила я, не опуская взгляда. — Машины говорят понятнее людей. В них нет скрытых мотивов, только физика.

— В деревне говорят другое, — он чуть сузил глаза. — Говорят, ты в сельпо сегодня лекцию читала. Про налоги и прокуроров. Галка-продащица до сих пор икает, когда твое имя слышит. Скажи мне, — он сделал еще шаг, вторгаясь в моё личное пространство, — какой «городской мажор» научил тебя так держать удар? Или это всё та же «белена», о которой шепчется Петрович?

— Мажоры учат только тратить деньги, — я позволила себе едва заметную, холодную усмешку. — А держать удар учит жизнь. Если вы верите сплетням каждой бездельницы у прилавка, то мне жаль ваш колхоз. Пятница уже скоро, Алексей Николаевич. Сосредоточьтесь на проверке, а не на сказках.

Он долго молчал, глядя на меня так, словно пытался разгадать сложную шифровку. В его глазах промелькнуло что-то еще — не подозрение, не злость, а странное, почти болезненное любопытство. Но он мгновенно скрыл его под маской суровости.

— Я сосредоточен, Мария. Уж поверь мне.

Он развернулся и ушел, не оглядываясь. Я смотрела ему в спину, чувствуя странную пустоту. Этот мужчина был препятствием на моем пути к выживанию, но он был единственным здесь, кто обладал тем же калибром личности, что и Виктория Валенская.

Дорога домой была темной и вязкой. Деревня засыпала, в окнах изб гасли огни. На самом глухом участке, где ивы склонялись над дорогой, образуя живой туннель, из тени вынырнула фигура.

Витька. Он прислонился к старому забору, вертя в руках тяжелый разводной ключ. Лицо было бледным, глаза лихорадочно блестели.

— Ну что, Машуха, — прохрипел он, преграждая мне путь. — Думала, в магазине меня опозорила и концы в воду? Серьги материны в залог отдала, а мне сказала — потеряла? Галка проболталась, что ты их выкупить грозилась. Откуда деньги, Маш? Уж не у председателя ли ты их выставила?

— Выйди с дороги, Виктор, — я остановилась, чувствуя, как адреналин вымывает усталость. — Ты пахнешь проблемами, а у меня на них сегодня лимит исчерпан.

Витька опешил. Мой тон, лишенный страха, действовал на него как ледяной душ.
— Ты... ты не умничай! Если к завтрашнему дню десятку мне не принесешь — я к Алексею пойду. Расскажу, как ты у него из кабинета документы воровала. Сама ведь хвасталась по пьяни, что ключи подобрать можешь.

Это был блеф. Мария, вероятно, действительно болтала лишнее, но я знала: Витька боится больше, чем я.

— Послушай меня внимательно, — я шагнула к нему, и на этот раз он отшатнулся. — Ты больше не получишь от этой семьи ни копейки. Если ты еще раз возникнешь на моем пути или подойдешь к моим братьям — я пойду к участковому. И я расскажу ему не про сплетни, а про то, сколько солярки ты слил за этот месяц в соседний район. У меня отличная память на цифры, Витя. Хочешь проверить?

Водитель побледнел. Он открыл рот, захлопнул его, зло сплюнул под ноги и, буркнув что-то про «сумасшедшую ведьму», скрылся в темноте.

Я дошла до дома на автопилоте. Мишка уже спал, разметавшись на лавке. В избе было тихо. Я взяла в сенях старый нож. Сердце колотилось в горле. В памяти Марии, в тех её обрывках, что всплывали в моей голове, было одно место. Старый дуб в конце сада. Она всегда прятала там «зачапки» от самой себя.

Старый сад встретил меня запахом промерзшей земли. Огромный дуб стоял в самом углу, раскинув узловатые ветви. Я начала копать. Ладони саднили, но я не останавливалась. Сантиметр за сантиметром.

На глубине штыка лопата звякнула о металл.

Я опустилась на колени, разгребая землю пальцами. Небольшая жестяная коробка из-под леденцов. Внутри, завернутое в грязную тряпицу, лежало оно.

Старинное золотое кольцо с тяжелым камнем. Это не было дешевой бижутерией. Даже в темноте я видела благородный блеск металла. Откуда оно у Марии? Такое кольцо могло стоять целое состояние.

И тут тишину сада разорвал звук. Хруст ветки.

Я замерла, прижимая коробку к груди. Свет фар прорезал темноту улицы, скользнул по забору и остановился. Характерное рычание мотора УАЗика невозможно было перепутать ни с чем.

Алексей.

Он заглушил двигатель. Хлопнула дверь. Шаги — тяжелые, размеренные — направились к моей калитке.

Я прижалась спиной к шершавому стволу дуба, стараясь даже не дышать. Если он увидит меня здесь, ночью, с лопатой и этим кольцом — никакие логические аргументы меня не спасут. Председатель шел за правдой, а я еще не знала, готова ли я этой правдой поделиться.

Глава 7

Луч фонарика скользнул по моим ногам, выхватывая из темноты облепленные грязью сапоги и подол застиранного платья. Сердце в груди сделало кульбит и замерло где-то в горле, но я заставила себя не шевельнуться. Виктория Валенская за свою карьеру видела проверки и похуже — налоговые облавы в три часа ночи приучают к ледяному спокойствию и умению держать лицо, даже когда под ногами разверзается бездна.

Я успела сунуть в карман фуфайки старую жестяную банку, которую только что выкопала. Холодный металл ощущался через ткань как улика, но это лишь помогло окончательно прийти в себя. Отрезвляющая реальность — лучший союзник в переговорах.

— Мария? — голос Алексея был низким, в нем вибрировало нешуточное подозрение. — Ты что здесь забыла в такое время? Да еще с лопатой.

Я медленно выпрямилась, стряхивая землю с ладоней. Шершавая кора дуба за спиной казалась единственной опорой в этом безумном, пахнущем сыростью мире.

— Рекультивацией занимаюсь, Алексей Николаевич, — ответила я, и мой голос прозвучал на удивление ровно. Так я обычно закрывала убыточные филиалы. — Прошное выкапываю. Чтобы не воняло и жить не мешало. Вы ведь сами говорили — пора начинать с чистого листа. Вот я и зачищаю территорию.

Он подошел ближе. Свет фонаря теперь бил мне прямо в лицо, заставляя щуриться. Я видела только его силуэт — широкий в плечах, неподвижный, как скала. От него пахло весенним ветром и чем-то неуловимо мужским, надежным. Этот человек не верил словам, он верил только действиям.

— Заначку искала? — он сделал еще шаг, и я почувствовала тепло, исходящее от его тела. — Витька уехал десять минут назад. Ты поэтому здесь копаешься? Думала, он тебе на опохмел оставил?

— Витя — это ошибка планирования, которую я уже ликвидировала, — я вышла из тени дерева прямо под его луч, вызывая вздернув подбородок. — А в этой банке, — я вытащила жестянку и потрясла ею, — то, что Мария прятала от самой себя в моменты редкого просветления. Мелочь на черный день. И этот день настал.

Он опустил фонарик. Теперь свет падал на землю, рисуя длинные тени наших ног. Алексей молчал. Я чувствовала, как он пытается сопоставить ту Марию, которая валялась под заборами, с этой женщиной, которая стоит перед ним с прямой спиной и говорит терминами, значения которых он, возможно, даже не знает.

— У тебя руки дрожат, — заметил он. — Пойдем в дом, Иванова. Ты бледная, как мел.

— Я в порядке. Мне нужно подготовиться к завтрашнему дню.

— Это не просьба. Пошли. Завтра четверг, приедет предварительная проверка из сельсовета. Посмотрят, как ты «подготовилась». Если они застанут тебя в таком виде — никакая чистая посуда не поможет.

Он взял меня за локоть. Его пальцы были жесткими и горячими. На мгновение по коже пробежал электрический разряд — тот самый, который Валенская привыкла игнорировать на деловых приемах, но который в этом теле отозвался тягучим, пугающим жаром. Я резко высвободила руку.

— Я дойду сама. Благодарю за бдительность, товарищ председатель.

Мы шли к крыльцу в полном молчании. В избе я сразу прошла к столу и вытряхнула содержимое жестянки. Несколько помятых рублевых бумажек и гора медяков. Сокровище нищей жизни.

— Этого не хватит, чтобы выкупить серьги в сельпо, — глухо произнесла я, обращаясь скорее к самой себе.

Алексей, застывший в дверях, нахмурился. — Какие серьги?

Я подняла на него взгляд. — Те, что мать оставила. Мария заложила их Галке-продащице за четыре бутылки водки. В пятницу придет комиссия, и я хочу, чтобы на мне было хоть что-то, что напоминает о человеческом достоинстве. Но Галка требует пятнадцать рублей. Здесь едва наберется семь.

Алексей долго смотрел на кучку мелочи на столе. В его глазах что-то изменилось — подозрение сменилось тяжелым, раздумчивым сочувствием. Но он ничего не сказал. Только кивнул на прощание.

— Ложись спать, Иванова. Завтра тяжелый день.

Утро четверга встретило меня звонким стуком топора.

Мишка, мой старший «проект по перевоспитанию», яростно обрубал сучья у старой слепи во дворе. Я вышла на крыльцо, чувствуя, как каждая мышца тела молит о пощаде.

— Рано ты сегодня, — заметила я.

Мишка замер, вытер пот со лба. — Председатель вчера заезжал, пока ты на ферме была. Сказал, если забор не подправим — напишет в акте, что хозяйство аварийное. А это прямой путь в интернат.

Я подошла к нему. — Послушай, Михаил... Давай заключим сделку. Ты помогаешь мне привести дом в идеальное состояние. А я вечером объясню тебе, как решать те задачи по физике, из-за которых тебя хотят оставить на второй год.

Брат горько усмехнулся. — Да откуда ты-то знаешь, как их решать? Ты ж школу со справкой окончила.

Я улыбнулась — той самой уверенной улыбкой Валенской. — Считай, что у меня открылся скрытый ресурс. По рукам?

Он недоверчиво протянул мозолистую ладонь. — По рукам.

На ферму я летела как на битву. Четверг — день, когда все системы обычно дают сбой. И я не ошиблась.

Возле весов в молочном блоке стояла Степановна, а рядом с ней — Витька. Он выглядел помятым, но в глазах горело гадкое торжество. На столе лежал журнал надоев. Весь. Залитый отработанным машинным маслом. Черные пятна расплзлись по страницам, превращая отчетность за неделю в мазню.

— Ой, беда-то какая! — запричитала Степановна, едва скрывая ухмылку. — Видать, Иванова, ты журнал-то вчера на полке плохо закрепила, вот масленка на него и грохнулась. Как теперь завтра комиссии цифры показывать? Нет цифр — нет работы. А нет работы — значит, ты у нас всё еще неблагонадежная.

Витька оскалился. — Ну что, Машуха? Пролетела ты со своими пацанами. Завтра их в «воронок» — и поминай как звали.

Я подошла к столу. Журнал был испорчен намеренно. В голове Валенской мгновенно включился аналитический процессор. Я помнила каждую цифру. Каждый литр. Память на цифры — это то, что позволило мне построить карьеру в 2024-м.

— Есть чистый журнал? — спросила я, поднимая взгляд на бригадиршу.

— Зачем тебе? — Степановна осеклась.

— Я восстановлю записи. По памяти.

— Да ты что, ошалела?! — взвизгнул Витька. — Там же сотни цифр! Врать государству вздумала?

В дверях показался Алексей. Он перевел взгляд с испорченного журнала на меня.

— Что здесь происходит?

— Саботаж, Алексей Николаевич, — коротко ответила я. — Но это не проблема. Дайте мне новый журнал и полчаса времени.

— Ты помнишь все надои за неделю по каждой группе? — Алексей подошел вплотную. Его взгляд был тяжелым, испытывающим.

— До грамма.

Я села за стол, взяла ручку и начала писать. Рука летала по бумаге. Я восстанавливала данные, попутно оптимизируя отчетность. Алексей стоял у меня за спиной. Я чувствовала его дыхание и то, как в коровнике воцарилась гробовая тишина.

Когда я закончила, я протянула журнал председателю. — Сверьте с первичными квитками в бухгалтерии. Ошибок нет.

Алексей взял журнал. Его пальцы на мгновение коснулись моих. Он смотрел на меня так, будто я была не человеком, а инопланетным существом, внезапно упавшим в этот навоз.

— Степановна, — голос Алексея был тихим, но ледяным. — Если я узнаю, кто «случайно» пролил масло... вы завтра же пойдете чистить свинарники. Оба.

Вечером я возвращалась домой, чувствуя, как силы окончательно покидают меня. У калитки меня ждала Галка из сельпо. Она переминалась с ноги на ногу, кутаясь в модную шаль.

— Слышь, Машка... — она отвела глаза. — Тут такое дело. За серьги твои... Председатель заходил днем. Доложил он те восемь рублей, что тебе не хватало. Выкупил он их.

Я замерла. Сердце пропустило удар. Алексей?

— Но только он сказал, чтобы я их тебе не отдавала, — Галка вытащила из кармана маленький сверток. — Сказал, чтобы я тебе передала: отдаст лично завтра. После того, как комиссия уедет. Если дом будет в порядке.

Я взяла сверток, но внутри было пусто — только записка, написанная его четким, мужским почерком на обороте накладной:

«Иванова, залоги нужно возвращать вовремя. Серьги у меня. Жду тебя завтра в восемь утра на крыльце. Сделай так, чтобы я не пожалел об этих восьми рублях. А.Н.»

Я стояла у калитки, прижимая записку к груди. Никакой магии. Просто мужчина, который решил дать мне шанс. И женщина по фамилии Валенская, которая впервые в жизни поняла: иногда самая важная победа — это не прибыль в отчете, а восемь рублей, вложенных в твое человеческое достоинство чужим человеком.

Завтра была пятница. И я была готова встретить её с высоко поднятой головой.

Глава 8

Пятница навалилась на деревню плотным серым туманом, в котором вязли звуки и запахи. Я проснулась задолго до первых петухов. Тело, уже привыкшее к изматывающему ритму сельской жизни, больше не ныло так безнадежно, как в первые дни. Внутри меня, за рёбрами Марии Ивановой, прочно обосновалась Виктория Валенская — собранная, холодная и готовая к самой важной презентации в своей карьере. Только на кону сегодня были не акции и не место в совете директоров, а три маленькие жизни.

— Миша, вставай, — я легонько потрясла брата за плечо. — Сегодня нельзя опаздывать.

Мишка подскочил, мгновенно стряхивая сон. В его взгляде больше не было той неприкрытой ненависти, только настороженное ожидание. Он видел, как за неделю изменился наш дом. Стены, отмытые от копоти, сияли белизной, на окнах висели чистые, хоть и заштопанные занавески, а в воздухе пахло не кислятиной, а свежеевыпеченными лепешками — мой первый кулинарный успех, достигнутый методом проб, ошибок и сожженных пальцев.

— Думаешь, поможет? — хрипло спросил он, натягивая чистую рубаху. — Председатель... он ведь слов на ветер не бросает. Раз сказал — в интернат, значит, отвезет.

— Алексей Николаевич — человек логики, — я заставила себя улыбнуться, хотя внутри всё сжималось в тугой узел. — А против логики не попрешь. У нас чисто, дети накормлены, я работаю. У него нет легальных оснований разрушать семью.

Я подошла к зеркалу. Треснувший амальгамовый осколок отразил бледную девушку с высоко поднятой головой. Мочки ушей непривычно горели. Я вспомнила вчерашнюю записку Алексея. «Серьги у меня». Он выкупил их. Зачем? Чтобы унижить меня этим долгом или чтобы проверить, насколько далеко я готова зайти ради памяти матери?

К девяти утра изба напоминала операционную перед визитом главного хирурга. Колька и Антошка сидели на лавке, непривычно притихшие, в застегнутых на все пуговицы кофтах. Мишка стоял у окна, исполняя роль дозорного.

— Едут! — выдохнул он.

К калитке, тяжело переваливаясь на ухабах, подкатил черный «газик» и знакомый синий УАЗик председателя. Сердце сделало кульбит, но я глубоко вздохнула, включая «режим Валенской». Спокойствие. Уверенность. Контроль.

В дом вошли четверо. Две женщины из РайОНО — в строгих костюмах и с лицами, на которых застыло выражение вечного неодобрения. Участковый Савельич, вечно скучающий и пахнущий дешевым табаком. И Алексей.

Он вошел последним. В своем неизменном кителе, подтянутый, с тем самым пронизывающим взглядом, который, казалось, видел меня насквозь. Он молчал, пропуская комиссию вперед.

— Так-так, — одна из женщин, Потапова, поправила очки в роговой оправе, подозрительно оглядывая горницу. — Чистота. Хлебом пахнет. Иванова, ты ли это? В акте за прошлый месяц значилось: «антисанитария, злоупотребление спиртным, дети предоставлены сами себе».

— В прошлом месяце здесь жила другая женщина, — ответила я, глядя ей прямо в глаза. — Сейчас перед вами опекун, который осознал свои обязанности. Можете проверить запасы продуктов и состояние постельного белья.

Инспекторы зашуршали бумагами, пошли по комнатам. Они заглядывали в кастрюли, проверяли, не спрятана ли под кроватью бутылка, щупали руки детей. Антошка вжался в Кольку, и я почувствовала, как внутри меня закипает ярость. Это была не просто проверка — это был досмотр сломленной души.

— Алексей Николаевич, — Потапова повернулась к председателю. — Что скажете? Соседи по-прежнему жалуются на Виктора-водителя?

Алексей, до этого момента стоявший у двери, сделал шаг вперед. Его взгляд на мгновение встретился с моим, и я увидела в нем что-то новое. Недоверие? Или невольное восхищение?

— Виктор у нас больше не появляется, — голос Алексея прозвучал густо и веско. — Иванова Мария восстановила дисциплину. На ферме к ней претензий нет. Более того, она проявила инициативу в учете показателей. Я, как председатель, ходатайствую о сохранении детей в семье под мою личную ответственность.

Потапова хмыкнула, что-то записывая в папку. — Личная ответственность — это хорошо. Но слухи о... легкомысленном поведении Марии Ивановой..

— Слухи — это не факты, — перебила я её ледяным тоном. — Если у вас есть свидетельские показания о моем нетрезвом состоянии или пренебрежении детьми за последнюю неделю — предъявляйте. Если нет — я прошу зафиксировать текущее состояние дел.

Комиссия совещалась в сенях минут десять. Эти десять минут стоили мне пары лет жизни. Мишка сжал кулаки, Антошка начал тихо всхлипывать. Я подошла к малышу и просто положила руку ему на плечо. Он тут же затих.

Вернулась Потапова. Лицо её не смягчилось, но голос стал менее официальным. — Решение такое, Иванова. Учитывая ходатайство председателя и... резкое улучшение бытовых условий, мы даем тебе испытательный срок. Два месяца. Каждую неделю участковый будет заходить без предупреждения. Любой признак срыва — и детей забираем в тот же день. Без разговоров.

Когда за комиссией закрылась дверь, Мишка просто сполз по стене на пол, закрыв лицо руками. Колька обнял Антошку. Мы победили. Первый раунд был за нами.

Алексей задержался на крыльце. Я вышла к нему, чувствуя, как мелко дрожат колени после пережитого напряжения. Солнце пробивалось сквозь туман, подсушивая грязь во дворе.

— Спасибо, — сказала я, глядя на его широкую спину. — Вы ведь могли промолчать.

Он медленно обернулся. В его руках был небольшой сверток, обернутый в чистый носовой платок.

— Я не помогаю тем, кто не хочет помогать себе сам, Иванова, — произнес он, подходя ближе. — Ты удивила меня. Не только чистотой в доме, но и тем, как ты смотрела на Потапову. Откуда в тебе это? Словно ты за неделю выросла на целую жизнь.

Я не знала, что ответить. Валенская внутри меня хотела сказать: «Я всегда была такой», но Мария лишь молча опустила голову.

Алексей протянул мне сверток. Я развернула ткань. На ладони заблестело золото. Те самые серьги. Тонкая работа, старая проба, крошечные камушки, похожие на капли застывшего солнца.

— Забери, — сказал он. — Галка в сельпо сказала, что это последнее, что у тебя осталось от матери. Женщина не должна продавать память за водку. Никогда.

— Я отдам деньги, Алексей Николаевич. С первой зарплаты. Я не привыкла к подаркам.

Он вдруг усмехнулся — открыто и почти тепло, отчего его суровое лицо мгновенно преобразилось. — Это не подарок. Это аванс. Я вложил в тебя свои восемь рублей, Иванова. И я очень не люблю неудачные инвестиции. Считай, что ты теперь должна колхозу. И мне.

— Я не подведу, — ответила я, и в моем голосе снова зазвучала Валенская.

— Знаю. Почему-то я в этом больше не сомневаюсь.

Он развернулся и пошел к своей машине. Я стояла на крыльце, сжимая в руке теплое золото материнских серег. У меня теперь была эта земля под ногами, трое пацанов за спиной и взгляд мужчины, который впервые за всю мою — прошлую и настоящую — жизнь увидел во мне не «объект» или «инструмент», а человека.

Я надела серьги. В отражении окна я увидела женщину, которая больше не боялась завтрашнего дня. Виктория Валенская нашла свою самую сложную и самую важную сделку. И она собиралась выиграть её до конца.

Глава 9(Алексей)

(от лица Алексея)

Когда черная «Волга» районного начальства скрылась за поворотом, обдав придорожные кусты сизым выхлопным дымом, я еще долго стоял на крыльце правления, не спеша возвращаться к бумагам. В ушах до сих пор звенел голос Потаповой из РайОНО и тихие, хлесткие, как удары хлыста, ответы Марии.

Марии ли?

Я — офицер. Я привык к четким вводным, к понятным картам и предсказуемому поведению противника. Но то, что происходило последнюю неделю в моем колхозе, не укладывалось ни в одну штабную схему. Я рискнул всем — должностью, партийным билетом, репутацией, которую выстраивал по кирпичику после возвращения из армии. И всё ради чего? Ради того, чтобы защитить доярку, которую еще десять дней назад хотел собственноручно отвезти в наркологию?

Я достал из кармана пачку «Примы», чиркнул спичкой. Пальцы едва заметно подрагивали. Не от страха — от того дикого, необъяснимого азарта, который охватывает охотника, когда он понимает: перед ним не дичь, а нечто гораздо более опасное.

— Николаич, ну ты и дал... — Петрович, мой неизменный водитель, прислонился к капоту УАЗика, качая головой. — Бабы-то в районе теперь кости тебе перемывать будут до самой осени. «Под личную ответственность»! Ты ж её за руку ловил, когда она спирт из мастерских тащила, забыл?

— Забудь, Петрович, — отрезал я, выпуская густой клуб дыма. — Той Марии больше нет.

— А какая есть? — Петрович прищурился, глядя на меня с лукавой трещинкой в уголках глаз. — Видел я, как ты на неё сегодня на крыльце смотрел. Словно на знамя полковое. Она ведь... другая стала, Николаич. Будто бы ее молнией приложило. Ишь, как она серьги-то надела. Как королева, ей-богу.

Я промолчал. Перед глазами стояла она: бледная, в дешевом ситцевом платье, но с такой прямой спиной, какой не было даже у моей покойной Лены. Лена была мягкой, податливой. Она была моим тылом, моей тишиной. А Мария... Мария была штормом. В ней поселилась какая-то пугающая, холодная воля. Она не просила защиты — она принимала её как должное, как партнер, закрывающий сложную сделку.

Я вспомнил вчерашний вечер. Сельпо. Галка-продащица, трясущаяся от жадности. Восемь рублей — огромные деньги для доярки, чья зарплата уходит на штрафы и пропой. Когда я выложил их на прилавок, я сам не понимал, зачем это делаю. Просто не мог допустить, чтобы эта женщина — та, новая женщина, которая смотрела на меня ледяным взглядом хищника — осталась без своей единственной нити, связывающей её с прошлым.

«Инвестиция», — вспомнил я её слово. Откуда она его взяла? В наших краях так не говорят. В наших краях говорят «выручка» или «навар».

— Ладно, Петрович, заводи, — я бросил окурочек в грязь и раздавил его каблуком. — Поедем на дальнее поле. Надо проверить, как там зябь идет.

Весь день я работал как заведенный, но мысли неизбежно возвращались к дому на окраине. Я злился на себя. Мне тридцать два года, я вдовец, за плечами — война и руководство разваливающимся хозяйством. У меня не должно быть времени на девчонку с сомнительной репутацией. Но то, как она произнесла: «Я не подведу», заставило моё сердце, давно заросшее коркой дисциплины, пропустить удар.

К вечеру я всё-таки не выдержал. Оставил УАЗик у правления и пошел к ферме пешком. Хотел увидеть её в деле, без свидетелей из РайОНО.

На ферме уже начался вечерний переполох. Гул доильных аппаратов, крики пастухов, запах парного молока и навоза. Я остановился в тени силосной башни, наблюдая.

Мария работала в молочном блоке. Она не суежилась, не переругивалась с товарками. Она двигалась скупно и точно. Я видел, как она записывает что-то в журнал — быстро, уверенно, не пересчитывая на пальцах, как остальные. Степановна, наша вечная заноза и гроза всех доярок, ходила вокруг неё кругами, но не смела раскрыть рта.

В Марии появилась власть. Не та, которую дают погоны или должность, а та, что растёт изнутри.

— Алексей Николаевич! — Степановна всё-таки заметила меня и подплыла, обтирая руки о халат. — Видал? Как подменили девку. Тихая стала, строгая. Бабы шепчутся — может, секта какая её прибрала? Или в городе в аварию когда попала, ей там что-то в голове подкрутили? Глянь, как пишет — словно бухгалтер из области.

— Работает — и хорошо, Степановна. Нам план сдавать, а не сплетни собирать, — ответил я, не сводя глаз с Марии.

Она подняла голову. Словно почувствовала мой взгляд. Между нами было метров двадцать, заполненных пылью и гулом фермы, но мне показалось, что я слышу её дыхание. Она не улыбнулась. Просто коротко кивнула, признавая моё присутствие, и снова склонилась над журналом.

В этот момент я понял: я хочу знать её настоящую фамилию. Ту, которую она случайно произносит про себя, когда смотрит в зеркало. Виктория Валенская. Она ведь так сказала в ту ночь? Или мне причудилось в шуме дождя?

Домой я возвращался, когда деревню уже накрыли густые синие сумерки. В окнах зажигались огни. У калитки дома Ивановых я притормозил. Внутри было светло и тихо. На веревке во дворе хлопало подсохшее бельё — чистое, белое, словно флаги перемирия.

Я сел на скамейку у своего дома, закурил вторую за вечер.

В моей жизни наступил странный период. Я больше не был просто председателем, охраняющим порядок. Я стал хранителем чужой тайны. Тайны женщины, которая пришла из ниоткуда и заняла место той, кого все привыкли презирать. И самое страшное — я начинал ценить этот обман больше, чем любую правду.

«Восемь рублей, Иванова, — подумал я, глядя на загорающиеся звезды. — Это была самая рискованная сделка в моей жизни. Но почему-то мне кажется, что проценты будут стоить каждой копейки».

Я закрыл глаза, и в темноте снова вспыхнул блеск золотых серег в её ушах. Она победила комиссию. Она победила Степановну. Она победила моё недоверие.

Но главное сражение было впереди. Потому что теперь я хотел не просто спасти детей. Я хотел разгадать женщину, которая называла себя Викторией Валенской. И ради этого я был готов пойти на любой подлог, на любую ложь перед законом.

Потому что офицерская честь — это не только устав. Это ещё и умение защитить то, во что ты внезапно, вопреки всякой логике, поверил.

Я встал и вошёл в свой пустой дом. Но сегодня он не казался мне таким уж холодным. Впервые за три года у меня была цель, которая не касалась плана по надоям или посевной. У меня была тайна. И эта тайна пахла весной, хозяйственным мылом и силой, способной перевернуть мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.